

Цуй Люй не стал объяснять первенцу, для чего ему понадобились списки чиновников. Юаньши же, видя нежелание отца пускаться в пояснения, благоразумно решил, что есть вещи, до которых ему еще не дозволено дорости. Кратко обменявшись мнениями, они закрыли эту тему.

Когда Цуй Юаньши уже собрался было откланяться, голос старого главы клана, раздавшийся с кушетки, заставил его замереть:

— В последние дни я велел твоему Бо Чэну подготовить несколько реестров. Позже отправишься в сокровищницу и проведешь опись. Всё имущество разделишь и раздашь домочадцам согласно моим пометкам.

Идея о равенстве и праве дочерей на наследство всё еще с трудом укладывалась в голове Цуй Люя. Однако он понимал: если не избавиться от клейма «обреченной тени», то через десять лет всё его достояние обратится в прах под чужими руками. Уж лучше сейчас наделить имуществом детей и близких, годами живших в стеснении, чем оставить всё грядущим разорителям.

Выудив из-под изголовья несколько тетрадей, Цуй Люй с затаенной болью в сердце протянул их сыну. Столько лет он слыл крохобором, и теперь внезапный порыв щедрости отозвался в душе горьким привкусом, словно от кровоточащей раны. Но, поразмыслив, он решил: лучше одарить своих, чем потакать чужакам. Возможно, лишившись приманки в виде несметных богатств, он яснее увидит истинные цели врагов.

«Посмотрим, на что они позарятся теперь, когда золотые горы не будут застилать им взор. Какое обвинение придумают тогда, чтобы сжечь мой род со света?»

Юаньши, не подозревая о мрачных думах отца, принял тетради и бегло пролистал их. В следующее мгновение он застыл, округлив глаза от изумления. Каждая страница пестрела перечнем ценностей.

Антиквариат, яшмовые чаши, золотые и серебряные украшения, резная мебель и сундуки с тяжелыми слитками драгоценных металлов — стоимость имущества в каждой тетради превышала тридцать тысяч лян.

Как и многие богатые помещики, Цуй Люй не доверял легковесным бумажным ассигнациям, предпочитая им весомый блеск золотого кирпича. Оттого и дары его способны были ослепить любого.

У Цуй Юаньши задрожали колени, и он, сползши с высокого стула, рухнул на пол. Подняв на отца покрасневшие глаза, он едва не разрыдался:

— Отец? Батюшка, что с вами? Зачем это всё?

В народе говаривали: если старик начинает при жизни делить наследство, значит, он почувал близость своего смертного часа. Считалось, что так родители оберегают детей от грядущих раздоров и обид.

Сердце Юаньи сжалось от ужаса. Подползя на коленях к кушетке, он вцепился в руку Цуй Люя:

— Батюшка, где у вас болит? Скажите же! Я тотчас пошлю в город за лекарями, в столицу нарочного отправлю! Только терпите, умоляю, дождитесь, пока я не привезу лучшего кудесника!

Цуй Люй на мгновение оторопел, но затем его глаза по-доброму прищурились. Он накрыл ладонь сына своей и негромко рассмеялся:

— О чем ты только думаешь? Со мной всё в порядке, не пугайся так.

Отношения между ними всегда строились на строгом почтении, лишенном душевной близости. До десяти лет Юаньи звал его «папенькой», но, повзрослев, перешел на сухое «отец». Лишь младший, Цзикан, иногда в забытии позволял себе называть его по-простому.

Юаньи пристально вглядывался в лицо родителя, и в его взгляде читалась мольба — он жаждал услышать хотя бы ложь, лишь бы она была во благо.

Цуй Люй усадил его рядом с собой на край кушетки:

— Тебе уже тридцать, у тебя двое сыновей и две дочери. Через пару-тройку лет старшему придет пора жениться. Неужто ты хочешь, чтобы при поиске невест твоей супруге пришлось тратить собственное приданое на покрытие расходов? Госпожа У — достойная женщина, она многие годы верно служила нашему клану. Теперь, когда твоей матери нет, заботы о доме по праву лягут на её плечи. Но я ведь знаю, что её собственное состояние невелико, и за годы жизни в нашем доме она потратила немало на нужды твоей семьи. Думаю, у неё за душой почти ничего не осталось...

Цуй Люй с горечью признавал, что прежде был непомерно суров. Каждую мелочь в доме полагалось получать по ведомости, даже собственной супруге он не давал лишнего гроша. Из-за этого после её кончины выяснилось, что её личные сбережения были смехотворны для жены главы великого клана. Самой дорогой вещью, ушедшей с ней в могилу, стал тонкий золотой венец весом едва ли в пять лянов — и это тоже было одной из причин их недавней ссоры с сыном.

Юаньи открыл рот, но не нашел слов. Ведь всё это было чистой правдой. Пока отец держал

ключи от сокровищницы, дети великого клана не знали недостатка. Всё необходимое выдавалось из общих запасов, а если хотелось завести личные знакомства или сделать подарок — приходилось изворачиваться. У них не было собственного дела, не было дохода, а значит, и лишних денег. В итоге почти все расходы ложились на плечи жен, тративших своё приданое.

У входа бесшумно возникли две тени. Одна женщина несла поднос, другая — лаковую шкатулку с едой. Обе были одеты просто, почти аскетично — и из-за траура по свекрови, и оттого, что украшать себя им было попросту нечем.

Невестки в доме Цуй всегда подбирались из семей скромных и бережливых. Лишь супруга второго брата происходила из более зажиточного рода, а жёны старшего и младшего были дочерьми почтенных, но небогатых горожан.

Когда глава клана болел, невестки были обязаны проявлять сыновнюю почтительность. Обычно они передавали еду через занавес и обменивались парой слов с прислугой — без присутствия свекрови или мужей правила приличия запрещали им оставаться с свёкром наедине.

Слова Цуй Люя долетели до слуха обеих женщин. Вторая невестка сохранила самообладание, а вот у госпожи У глаза мгновенно увлажнились. Рука, сжимавшая шкатулку, дрогнула, а губы побледнели.

Дети подрастали, и её дни проходили в тревожных раздумьях о том, на что играть свадьбы. Клановое пособие было четко расписано — его хватало лишь на скромное торжество, но никак не на то, чтобы пустить пыль в глаза и укрепить положение семьи. Она мечтала о знатных невестах для сыновей и завидных женихах для дочерей, но без приданого и подарков это было невозможно.

Клан Цуй не был нищим, в его закромах хранились богатства, способные обеспечить детям блестящее будущее, но госпожа У не раз плакала в подушку от бессилия. Влияние свёкра было слишком велико — даже покойная свекровь никогда не держала в руках ключей от заветной сокровищницы.

Признаться честно, когда старый глава потерял сознание от гнева, госпожа У не чувствовала истинной печали. Если бы не страх за судьбу мужа, она, возможно, и не стала бы возносить молитвы о здравии свёкра.

На мгновение госпожа У устыдилась своих помыслов, посчитав их недостойными звания главной невестки. Колени её подогнулись, и она, придерживаясь за дверной косяк, опустилась на пол. Вторая невестка, госпожа Сунь, последовала её примеру.

Шум у двери привлек внимание тех, кто был в комнате. Цуй Люй похлопал сына по плечу:

— Зови их сюда.

Невестки застыли перед кушеткой Цуй Люя. Юаньши принялся расставлять на столе подношения — легкие укрепляющие бульоны. Тот самый драгоценный женьшень, что прежде пылился в ларце как величайшая ценность, теперь шел в котел вместе с другими целебными травами.

Цуй Люй понимал, что жизнь дороже золота. Грядущие дела требовали от него сил, а потому он смирился с «расточительством» и милостиво принял заботу детей.

Госпожа У и госпожа Сунь стояли, смиренно опустив головы. Сунь несколько раз повторила про себя слова просьбы за мужа, но теперь, оказавшись перед свёкром, не смела поднять глаз. Она гадала, не лишится ли её семья щедрого дара из-за проступка супруга.

«У меня за душой больше, чем у старшей невестки, но разве денег бывает много?»

Цуй Люй не зря возглавлял клан. Его острый ум и проницательность всегда выделяли его среди окружающих. Прежде его амбиции были ограничены порогом родного дома, но опыт десятилетий, пережитых во сне, изменил его. Теперь он видел людей насквозь.

Одного взгляда ему хватило, чтобы понять смятение женщин. Обе ждали этого внезапного богатства с трепетом, но вторую невестку терзали сомнения: просить за мужа или принять золото?

Цуй Юаньши подал женщинам реестры, в которых значились их имена. Он только сейчас заметил странность в заглавиях.

Обычно наследство или дары передавались главе семьи — мужчине. Но в этих тетрадях значились именно женские имена. Помимо его жены и супруги второго брата, остальные три списка предназначались жене младшего сына и двум сестрам, давно вышедшим замуж. Причем дары для замужних дочерей были ничуть не скромнее тех, что получили невестки.

Вспомнив, в каком ужасе были сестры, когда отец одарил их в день своего пробуждения, Юаньши невольно пожалел их.

«Когда повезу им эти сокровища, нужно обязательно взять с собой лекаря. Старик так внезапно расщедрился, как бы их удар не хватил от такого счастья».

Пока он размышлял, послышался двойной стук — невестки рухнули на колени. Госпожа У и госпожа Сунь сжимали тетради, не в силах вымолвить и слова. Их привычное спокойствие сменилось немым потрясением; они переглядывались, словно не веря в реальность происходящего.

Слова застряли в горле. На их головы обрушился не просто подарок — это был целый ливень из золота.

Но и это было не всё. Голос старика прозвучал вновь:

— Это средства на ваши личные нужды. Называйте их «тайными сбережениями» — распоряжаться ими будете только вы сами. На расходы мужей или детей эти деньги не пойдут, если только вы сами не пожелаете ими поделиться. О нуждах ваших супругов я позабочусь отдельно.

Госпожа У уже не слушала — слезы градом покатались по её щекам. Наконец-то у неё были средства, чтобы найти достойную партию для старшего сына.

Госпожа Сунь прижала тетрадь к груди и мгновенно позабыла о просьбе за мужа. Раз это её личные деньги, а не общее имущество, то и нужды супруга её больше не касались. Раньше он постоянно тянул из неё средства на свои поэтические кружки и приемы, а теперь, когда он заперт в родовом храме, расходы сократились сами собой. Под присмотром предков он наконец-то займется делом и перестанет гоняться за пустой славой. Нет лучшего места для очищения души!

«Пусть сидит там и воспитывает характер».

Она была готова играть роль преданной жены, но свёкор предложил слишком много. А тревожить старика из-за пустяков — дело в высшей степени неблагодарное.

«Я — разумная и почтительная невестка», — решила она.

Цуй Люй едва заметно усмехнулся. Вторая невестка, как и положено дочери крупного торговца, знала цену монете: деньги всегда надежнее мужчин.

— Госпожа У, с сегодняшнего дня ключи от кладовой «Ц» переходят к тебе. Теперь ты будешь ведать делами дома. Твоей свекрови при жизни я задолжал немало... Когда придет срок стодневного поминания, отбери лучшие вещи для погребального обряда. Пусть монахи храма Юньтай проведут пышную службу. Не жалея золота на пожертвования, пусть в её честь всегда горит неугасимая лампада...

<http://bllate.org/book/16118/1581598>